Люди Старой Малороссіи *).

3. МИКЛАШЕВСКІЕ.

Родоначальникъ Миклашевскихъ, Михаилъ Миклашевскій, началъ службу при „дворѣ“ гетмана Многогрѣшнаго. Русскіе чиновники, посѣщавшіе въ то время Батуринъ, называютъ Миклашевскаго „челядникомъ“ гетмана [1]); это названіе и указываетъ, что Миклашевскій принадлежалъ къ числу гетманскихъ „дворянъ“, которые набирались изъ разныхъ пришельцевъ, преимущественно поляковъ, для личной службы гетману, вознаграждавшему ихъ за эту службу, иногда и войсковыми урядами. Миклашевскій пользовался особеннымъ довѣріемъ Многогрѣшнаго, у котораго генеральный есаулъ Грибовичъ, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка и Миклашевскій были главными совѣтниками [2]). Въ концѣ 1671 г. пронесся въ Батуринѣ слухъ, что царь задумалъ смѣнить Многогрѣшнаго и назначить на мѣсто его Константина Солонину, кіевскаго полковника. Встревоженный гетманъ послалъ Миклашевскаго въ Козелецъ (полковой городъ кіевскаго полка) съ приказаніемъ схватить тамъ брата Константина — Якова, сковать его и привезти въ Батуринъ, чтобы здѣсь дознать отъ него, насколько вѣрны слухи о гетманствѣ его брата. Миклашевскій порученіе это исполнилъ и былъ награжденъ маетностью: въ декабрѣ 1671 г. гетманъ далъ ему глуховское село Зазирки. А въ началѣ слѣдующаго года Многогрѣшный отправилъ Грибовича съ Миклашевскимъ въ Москву—разузнать, какъ тамъ на него смотрятъ и не думаютъ-ли вправду смѣнить. Возвращаясь въ

*) См. генв. и март. книжки „Кіев. Старины“.

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 643.

[2]) Тамъ-же, 677.

мартѣ изъ Москвы, Грибовичъ и Миклашевскій встрѣтили своего патрона въ Сѣвскѣ, куда привезли его скованнаго Мокріевичъ съ Рославцомъ. Многогрѣшнаго повезли дальше, въ Москву, а Миклашевскому сказали—возвращаться въ Батуринъ [1]). На мѣсто Многогрѣшнаго былъ выбранъ Самойловичъ и Миклашевскій нашелъ въ немъ новаго патрона, отъ котораго получилъ первый войсковой урядъ—нѣжинское есаульство. Въ актѣ 1681 г. читаемъ: „я, Павелъ Рѣзникъ, обыватель глуховскій, чиню вѣдомо, ижемъ зосталъ виноватъ урожоному его мил. п. Михайлу Миклашевскому, асаулови полку нѣжинского, суммы, грошей готовыхъ 50 золотыхъ (10 р.) сполна, которое суммы не маючи чимъ отдати, отдаю ему комору мою въ мѣстѣ Глуховѣ". Черезъ годъ, въ 1682 г., Миклашевскій былъ уже генеральнымъ хорунжимъ, а съ 1683 г.—генеральнымъ есауломъ; послѣдній урядъ Миклашевскій сохранилъ и при Мазепѣ. Новый гетманъ, желая привлечь старшину на свою сторону и зная, что лучшій для этого способъ былъ въ надѣленіи старшины маетностями, не скупился раздачею послѣднихъ; такимъ образомъ даны были маетности и Миклашевскому: въ 1687 г. Мазепа далъ ему с. Кочерги, а въ слѣдующемъ—с. Волынтинъ, оба въ глуховской сотнѣ. Миклашевскій настолько разбогатѣлъ, что и самъ сталъ скупать грунтà, преимущественно въ Глуховѣ и около. Но въ будущемъ Миклашевскаго ждали еще большія богатства: въ 1690 г. Мазепа далъ ему стародубское полковничество. Миклашевскій лично не пользовался особеннымъ значеніемъ у Мазепы, который изъ своей старшины цѣнилъ лишь тѣхъ, за кѣмъ была извѣстность въ народѣ; Миклашевскій-же былъ человѣкъ пришлый, не имѣвшій въ Малороссіи родни. Но за Миклашевскаго стояли его свойственники—черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и генеральный есаулъ Андрей Гамалѣя; внукъ перваго и сынъ послѣдняго были затьями Миклашевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по престательству этихъ сватовъ, которые оба пользовались у Мазепы большимъ значеніемъ, Миклашевскій и получилъ одинъ изъ лучшихъ урядовъ въ тогдашней Малороссіи.

Стародубскій полкъ, заключавшій въ себѣ пять сѣверныхъ уѣздовъ теперешней черниговской губерніи, считался тогда однимъ изъ богатѣйшихъ полковъ, такъ какъ это былъ центръ тогдашней торговли и промышленности въ Малороссіи; стародуб-

[1]) Акты ю.-з. Россіи, IX, 684—85.

скій полкъ велъ обширную пеньковую торговлю съ Ригою, а изъ промысловъ здѣсь особенно были развиты—поташное производство, слѣды котораго и теперь остались въ названіи значительнаго количества поселеній „будами“; остались здѣсь и „Рудни“, гдѣ нѣкогда выдѣлывалось желѣзо. Кромѣ того въ концѣ XVII в. Стародубщина заключала въ себѣ еще много пустырей, лѣсныхъ и прорѣчныхъ, очень удобныхъ для поселенія новыхъ слободъ, которыя въ этой мѣстности продолжали садиться и въ первой половинѣ XVIII в. Въ такомъ полку полковнику представлялись громадныя выгоды: онъ садилъ новыя слободы, устраивалъ „буды“, велъ торговлю поташомъ и—богатѣлъ. Такъ дѣлалъ и Миклашевскій, который за пятнадцатилѣтнее управленіе свое стародубскимъ полкомъ, нажилъ громадныя богатства. Первыя маетности въ стародубскомъ полку Миклашевскій получилъ уже въ 1691 г.; по универсалу 21 мая Мазепа далъ ему с. Каменныя Озера, въ сотнѣ новгородской, да село Нижнее, да утвердилъ за нимъ пріобрѣтенныя самимъ Миклашевскимъ четыре мельницы на рѣчкахъ Титвѣ, Росукѣ и Баблѣ, „соблюдая“ при немъ и „войсковую часть размѣровыхъ пожитковъ, на него, гетмана, належащихъ“. Черезъ два года, въ 1693 г., Миклашевскій получилъ еще два села: въ іюлѣ—с. Воргонъ, а въ ноябрѣ—с. Поноровку; „доносилъ ему, гетману, онъ, Миклашевскій, что домъ его въ домовыхъ потребахъ и во всегдашнихъ для принятія людей расходахъ не можетъ быти удовольствованъ; и для того просилъ себѣ такого его гетманского призрѣнія, чтобъ онъ с. Поноровку, въ уѣздѣ бакланскомъ, во владѣніе ему придалъ; и онъ, гетманъ, склоняясь на прошеніе его, то село Поноровку *изъ своего владѣнія*, для вспоможенія домовыхъ его потребъ, ему, Михайлу, отдалъ“.

Миклашевскій правилъ полкомъ и богатѣлъ до 1704 г.; въ этомъ году онъ былъ лишенъ уряда. Еще въ апрѣлѣ 1703 года Мазепа жаловался царю на Миклашевскаго, что онъ ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками; а въ слѣдующемъ году Мазепа, стараясь показать царю, что онъ окруженъ людьми сомнительной „вѣрности“, указалъ при этомъ снова на Миклашевскаго [1]), котораго на этотъ разъ и лишилъ уряда. Нѣтъ сомнѣнія, что подозрѣніе, взведенное гетманомъ на полковника, было выдуманное: не таково было положеніе Миклашевскаго, и се-

[1]) Бантышъ-Каменскій, изд. 1830 г., III, 43.

мейное, и экономическое, чтобы онъ могъ думать о какой нибудь „невѣрности“; вѣрнѣе, что Мазепа просто завидовалъ богатству стародубскаго полковника и хотѣлъ этотъ урядъ отдать кому-нибудь другому, болѣе близкому себѣ человѣку. Вмѣстѣ съ лишеніемъ полковничьяго уряда Миклашевскому грозило и лишеніе многихъ маетностей, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсти, но не успѣлъ закрѣпить царскою грамотою. Нужно было выхлопотать у гетмана универсалъ, который-бы подтвердилъ ему всѣ нажитыя имѣнія. Миклашевскій зналъ, какъ подойти къ Мазепѣ: гетманъ въ это время стоялъ съ войсками въ Польшѣ, подъ Любаромъ; Миклашевскій отвезъ ему туда „наметъ“ (палатку) въ 100 талеровъ [1]) и получилъ въ августѣ того-же года универсалъ, по которому оставлены были за Миклашевскимъ всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Стародубщинѣ маетности: „мѣючи зъ ласки нашой гетманской и войсковой за значныя и вѣрныя прислуги въ войску запорожскомъ, за насъ, гетмана, и аптецессоровъ нашихъ, значне на высокихъ войсковыхъ зостаючи урядахъ роненнія (оказанныя), п. Михаилъ Миклашевскій, значный войска запорожскаго товарищъ, на данныя отъ насъ въ вѣчистую поссесію себѣ села, нашими унѣверсалами прикрытыя и монаршими грамотами подтвержденныя, въ полку стародубовскомъ будучія, а именно: с. Нижнее, с. Демянки, с. Понуровка, Картушинъ, слободка Приваловка, с. Каменка, якіе то наши универсалы черезъ нѣякійсь тамъ трафунокъ (какимъ то случаемъ) страчены зостали, на которыя вновь просилъ насъ онъ, п. Миклашевскій, о выданье на тіе его давніе села нашего унѣверсалу, также на купленные и своимъ коштомъ заведенные грунта, що все абы унѣверсаломъ нашимъ было прикрыто, просилъ насъ; теди мы, гетманъ, принявши ласкове его, п. Миклашевскаго, занесенное прошеніе — велѣлисмо теперь вновь выдати ему сей нашъ унѣверсалъ“.

Немилость Мазепы продолжалась однако-же не долго: въ 1705 г. Миклашевскому возвращенъ былъ стародубскій полкъ, можетъ быть за какой нибудь цѣнный подарокъ, который могли поддержать братья зятя Андрея Гамалѣи—Михаилъ и Антонъ, оба генеральные урядники. Но ставъ разъ лишнимъ для Мазепы человѣкомъ, Миклашевскому нельзя уже было ждать добра. Преданіе говоритъ, что, желая избавиться отъ Миклашевскаго, Мазепа отпра-

[1]) Объ этомъ подаркѣ разсказывала вдова Миклашевскаго, Швейковская.

вилъ его въ 1706 г., въ Несвижъ, на весеннюю стоянку, съ четырьмя стами только козаковъ. Такой малочисленный отрядъ долженъ былъ привлечь шведовъ, съ которыми отряду трудно будетъ справиться. Разсчитывалъ-ли такъ Мазепа или нѣтъ, но случилось именно такъ, что видно изъ черниговской лѣтописи: „марта 19 дня (1706 г.) Михаила Миклашевскаго, въ Несвижу на консистенціи, подъ часъ утрени, зрадецко (измѣнически) шведы напавши, забили, которые шведы передъ тѣмъ у мнишокъ (монахинь) лядскихъ въ клешторѣ ховалися (прятались) три дня; также и Андрея Гамалѣю, зятя его и иныхъ много козаковъ (шведы убили), а другихъ въ полонъ забрали“ [1]).

Миклашевскій женатъ былъ два раза; отъ первой жены, дочери глуховскаго сотника Рубана, осталось два сына и три дочери; а вторая жена была Анна Швейковская, возвращенная въ 1676 г. изъ Сибири — вдова гетманича Якова Самойловича [2]); отъ нея у Миклашевскаго остался малолѣтній сынъ Иванъ.

Узнавъ о смерти мужа, вдова Миклашевская стала заботиться—пока везли тѣло убитаго въ Стародубъ для похоронъ—о томъ, чтобы скрыть часть мужниная богатства отъ пасынковъ. „Покоевая“ (горничная) Миклашевской разсказывала, что какъ только пришла вѣсть о смерти полковника, то немедленно пріѣхала къ вдовѣ его въ Стародубъ „пани Семіоновая“ (вдова гетманича Семіона Самойловича) и купила тутъ на базарѣ лубянку меду, которую и поставила въ домѣ Миклашевскаго за печью; а потомъ въ ту лубянку вдова Миклашевскаго поставила жестяную фляшку, запертую замкомъ; и фляшка та была съ деньгами; она была выкопана изъ земли, по приказу полковника, господаремъ его Даровскимъ, какъ только Миклашевскій женился на Швейковской, и поставлена была „въ великой скринѣ, въ камяницѣ“. Въ другой разъ изъ той-же „скрини“ (сундука) Миклашевская вынула другую жестянку, изъ которой взяла два мѣшечка червонцевъ, а третій—оставила въ жестянкѣ. Пасынки объ этомъ узнали только впослѣдствіи.

Похоронивъ мужа, вдова Миклашевская поѣхала съ пасынками къ Мазепѣ—„поклониться“ и просить на осиротѣлую семью „призрѣнія“. При этомъ полковница поднесла гетману въ пода-

---

[1]) Черниг. лѣтоп. по списку нашей библіотеки.

[2]) Бантышъ—Кам. Ш, примѣч. 20. Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, Ш, 113.

рокъ „креденсъ срѣбній“ (подносъ) въ тысячу талеровъ. Гетманъ обѣщалъ осиротѣлой семьѣ милость, а вдовѣ далъ универсалъ на с. Руховъ, „респектуючи на вдову Миклашевскгго, Анну Швайковсковну, которой отецъ здавна до всей Малой Россіи усердную имѣлъ прихильность“. Село Руховъ уже и прежде находилось въ фактическомъ владѣніи Миклашевскаго, который пользуясь властью, оттянулъ это село отъ стародубской ратуши; не было только гетманского универсала; теперь ловкая вдова, поднеся серебряный „креденсъ“, успѣла выпросить этотъ универсалъ только не на семью, а себѣ лично.

Затѣмъ начался дѣлежъ наслѣдства. Оставшимися деньгами и разными „клейнодами“ наслѣдники подѣлились безъ труда. Но не такъ легко было дѣлиться „маетностями“, тѣмъ болѣе что одинъ изъ наслѣдниковъ былъ малолѣтній и раздѣлъ, по Литовскому Статуту, долженъ былъ быть временный, до совершеннолѣтія всѣхъ дѣлящихся.

„Маетности“ Миклашевскій нажилъ богатыя; изъ современныхъ ему полковниковъ еще никто не наживалъ такихъ. Глуховскія имѣнія заключали въ себѣ села: Ворголъ, Зазирки, Волокитинъ, Кочерги и Палѣевку; слободы и хутора: Дороговку, Колошиновку, Кубаровъ и друг. Въ Стародубщинѣ Миклашевскій оставилъ шесть селъ: Нижнее, Каменку (Каменныя Озера), Понуровку, Демьянки, Картушинъ и Руховъ; изъ нихъ три села—Демьянки, Картушинъ и Руховъ—отняты были у стародубской ратуши, которая, какъ и другія, владѣла селами и поддерживала ими городское свое хозяйство; Нижнее, Каменка и Понуровка принадлежали „урядамъ“: Нижнее—полковничьему, Каменка—сотничьему уряду Новгородсѣверска и Понуровка—гетманскому. Селъ этихъ нельзя было отдавать, такъ какъ они переходили отъ одного урядника къ другому, смотря потому, кто занималъ этотъ урядъ. Тѣмъ не менѣе села эти были отданы Миклашевскому и закрѣплены за нимъ универсалами. Къ этимъ селамъ Миклашевскій прибавилъ еще с. Дѣвовку, въ почепской сотнѣ, уже собственною властью. Кромѣ селъ, были еще слободы и хутора, поселенные самимъ Миклашевскимъ: Истровка, Приваловка, Верхній Млинокъ, Буда-Понуровская и друг. Изъ этихъ имѣній с. Палѣевку Скоропадскій въ 1710 г. отобралъ у Миклашевскихъ для жены, а въ замѣнъ далъ с. Бѣлый Колодезь, около Новозыбкова.

Всѣми этими имѣніями сыновья Михайла Миклашевскаго подѣлились сначала временно, такъ какъ братъ Иванъ не имѣлъ еще

„правныхъ лѣтъ", т. е. не достигъ того возраста (17-ти лѣтъ), когда получалъ право самостоятельнаго совершенія юридическихъ сдѣлокъ. Потомъ, когда въ 1740 г. Иванъ Миклашевскій умеръ, старшіе его братья Андрей и Степанъ подѣлились съ племянникомъ Павломъ въ 1741 г. наслѣдствомъ окончательно. Поэтому раздѣлу на часть Андрея достались: Понуровка, Нижнее, Бѣлый Колодезь, Истровка и хуторъ Деревяновскій. На часть Степана: Волокитинъ, Ворголъ, Зазирки, Кочерги, Дорошовка, Колошиновка и Кубаровъ и, кромѣ того, Степану досталось право отыскивать села Дѣвовку и Каменку, которыя у Миклашевскихъ были отняты: Дѣвовка—Меншиковымъ, а Каменка—Лукьяномъ Журавкою. Наконецъ Павлу достались: Демьянки, Руховъ, Приваловка, Нов. Буда и д. Яблонка. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ Миклашевскій заявилъ споръ противъ этого раздѣла на томъ основаніи, что, при совершеніи его, онъ еще не имѣлъ полныхъ семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе чего по Литовскому Статуту раздѣлъ 1741 г. не могъ считаться окончательнымъ. Генеральный судъ призналъ споръ Павла Ивановича правильнымъ и Миклашевскіе еще долго спорили о правильности раздѣла 1741 г., который въ главныхъ частяхъ впрочемъ остался не измѣненнымъ, такъ-какъ только Понуровка перешла къ Павлу.

Старшіе сыновья Михайла Миклашевскаго, Андрей и Степанъ, служили бунчуковыми товарищами, т. е. жили по своимъ „маетностямъ" и, сколько могли, увеличивали ихъ. Оба они умерли около 1750 г. О старшемъ изъ нихъ знаемъ лишь то, что онъ дѣтей своихъ воспитывалъ въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго имъ въ 1739 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, А. И. Румянцову: „имѣемъ мы желаніе сыновъ нашихъ нынѣ въ малолѣтствіи будучихъ и къ службѣ еще не згодныхъ, Петра, Михаила и Павла, ради изученія иностранныхъ языковъ и протчіихъ отечеству и имъ полезныхъ наукъ, отправить въ Москву. Того ради означеннымъ сынамъ нашимъ съ будучими при нихъ людми, именно: Иваномъ Данилевскимъ и двема хлопцами, имѣючимися при сынахъ нашихъ, въ Москвѣ пребывать, да Кондратомъ Мироновичемъ съ четырма расколничой слободы Лужка емщиками—ради свободного проѣзду, просимъ дать пашпортъ" [1]). Средняго брата—Степана Михайловича сохранилось завѣщаніе, пи-

[1]) Арх. генер. канцел., № 182.

санное въ 1750 г., которымъ онъ, назначивъ женѣ часть имѣній, остальныя подѣлилъ между четырьмя сыновьями. При этомъ Степанъ завѣщалъ дѣтямъ—не продавать ничего изъ своихъ имѣній постороннимъ лицамъ: „а ежели бы пожелали сыны мои что съ частей своихъ продать, то первое должны будутъ объявить матери, братьямъ и сестрамъ и буде по объявленіи купить изъ нихъ никто не пожелаетъ, то могутъ тогда продать постороннимъ; а безъ объявленія матери, братьямъ и сестрамъ—отнюдь не продавать въ чужія руки, подъ неблагословеніемъ моимъ отческимъ. Сынамъ моимъ Антону и Михаилу, съ опредѣленными на нихъ частьми, жить при женѣ моей, а ихъ матери—по смерть ея, и они сыны мои безъ ея благословенія, воли и совѣта жениться и ничего иного зачинать не повинны, подъ неблагословеніемъ моимъ отческо запрещаю. Сего моего тестамента никому, а паче сынамъ моимъ ни подъ какимъ претекстомъ не нарушать, хочай бы что въ которую часть, а паче сынамъ моимъ Антону и Михаилу и больше съ имѣній моихъ опредѣлено, для того что оные сыны мои безъ сочетанія брачнаго остались; а сыновъ Ивана и Петра я еще при жизни своей съ имѣнія своего со всякимъ довольствомъ бракомъ сочеталъ, по три казана (винокуренные котлы) далъ и хлѣбомъ ихъ для дѣланія горѣлки не малое время снабдѣвалъ. Аще же кто съ оныхъ сыновъ моихъ пренебрегая сіе мое повелѣніе исполнять не станетъ, то на томъ да будетъ Божіе и мое отческое неблагословеніе и оные да будутъ вовсе прокляты".

Судьба младшаго изъ сыновей стародубскаго полковника Ивана представляетъ намъ эпизодъ довольно исключительный изъ семейной жизни тогдашняго общества. Родившись около 1700 г., Иванъ Миклашевскій выросъ уже безъ отца, а когда пришло время жениться, то не было уже и матери. Женился онъ на какой-то Евдокіи Васильевнѣ и 15 декабря 1724 г. у него родился сынъ Павелъ; а въ маѣ слѣдующаго года, изъ Петербурга присланъ былъ въ Глуховъ указъ „о высылкѣ пановъ бунчуковыхъ въ Гилянь". Вельяминовъ постарался выправить въ этотъ походъ чуть не всѣхъ бунчуковыхъ, сколько ихъ тогда было. Выправлены были и всѣ три братья Миклашевскіе. Въ этомъ походѣ Иванъ Миклашевскій пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Вернувшись домой осенью 1727 г., онъ увидѣлъ, что во время отсутствія „честь дома его была нарушена". Вотъ что послалъ онъ по этому случаю въ синодъ: „въ прошломъ 1725 г. послано было все товариство подъ гетманскимъ бунчуковымъ знакомъ

служащее въ походѣ Гилянскій; въ томъ числѣ и я былъ высланъ и въ ономъ походѣ неотлучно обрѣтался черезъ три года, а чрезъ оное время жена моя Евдокія Васильева дочь, оставшаяся въ домѣ въ Стародубѣ, свалявшися съ нѣкоторымъ моимъ-же служителемъ, прижила блудно двое дѣтей, изъ которыхъ одно безъ моей въ Малой Россіи бытности, а другое за возвращеніемъ моимъ изъ похода, взятая уже за тѣмъ порокомъ маткою ея въ домъ свой, тамъ родила; чрезъ что до крайняго я пришелъ разоренія и обезславленія. И ради таковаго жены моей прелюбодѣянія, не могучи я имѣть ея за законную жену, понеже тотъ ея падежъ и во всенародное пришелъ извѣстіе, билъ челомъ архіерею нашему черниговскому Иродіону Жураковскому, прося рѣщенія—съ женою моею разлучитись, а на другой женитись; но потому моему прошенію отъ октября мѣсяца 1727 г. не получилъ я резолюціи, а оная жена моя и налично предъ архіереемъ въ томъ своемъ прегрѣшеніи повинилась". Въ заключеніе Миклашевскій просилъ синодъ—развести его съ Евдокіей и дозволить жениться на другой. Въ дѣлѣ о разводѣ принималъ участіе и Ѳеофанъ Прокоповичъ; но чѣмъ оно кончилось—не знаемъ. Умеръ Иванъ Миклашевскій въ 1740 г. и вдова его вышла замужъ за стародубскаго полковаго писаря Степана Петрункевича. Отношенія между вдовою Ивана и сыномъ ея отъ Миклашевскаго—Павломъ, остались до того дружескія, что послѣдній, получивъ въ свое распоряженіе отцовское наслѣдство, подарилъ было изъ него с. Руховъ своему отчиму. Но при передѣлѣ имѣній Михаила Миклашевскаго, Руховъ отъ Петрункевича былъ отобранъ и остался у Павла.

Изъ Миклашевскихъ третьяго поколѣнія былъ замѣтенъ одинъ только Иванъ Андреевичъ (II), который женился на племянницѣ извѣстнаго Григорія Теплова. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Прилагаемъ родословный списокъ Миклашевскихъ, доведенный до конца XVIII в.

1. *Михаилъ Миклашевскій*, „дворянинъ" Многогрѣшнаго 1671, есаулъ нѣжинскій 1681 г.; есаулъ генеральный 1685 г., полковникъ стародубскій 1690†1706 г. Жена 1-я—*дочь* Данила Семеновича

Рубана, сотника глуховскаго, 2-я—*Анна Владиміровна Швейковская*, вдова Якова Самойловича.

2. *Андрей*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена 1-я княжна *Марина Юрьевна Четвертинская*, 2-я *вдова* Андрея *Жураковскаго*. 1
3. *Степанъ*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена *Ирина Марковна*, дочь Марка Аврамовича, „арендара“ пирятинскаго. . 1
4. Дочь. Мужъ *Степанъ Спиридоновичъ Шарай* . . . 1
5. *Прасковья*. Мужъ *Андрей Ефимовичъ Лизогубъ*.
6. *Настасья*. Мужъ 1) *Андрей Андреевичъ Гамалья*; 2) *Петръ Корецкій*, бунчук. товар. 1728 г. 1
7. *Анна* † 1730 г. Мужъ *Иванъ Кондратьевъ*, полковникъ сумской 1
8. *Иванъ*, бунчук. товар. 1725†1740 г. Ж. *Евдокія Васильевна* 1
9. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. 2
10. *Михаилъ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. . . . 2
11. *Иванъ*, канцеляристъ войсков. 1754 г.; губернскій предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1783 г. Жена *Агафья Егоровна Теплова*, вдова Кирилла Лобысевича, судьи полков. стародубскаго. Имѣнія: Бѣлый Колодезь, Приваловка, Яблонка—948 крестьянъ м. п. 2
12. *Настасья*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ Бороздна*, бунчужный генеральный 1762 г. 2
13. *Елена*. Мужъ *Михаилъ Танскій*, полковн. кіевскій 1731 г. 2
14. *Иванъ*, бунчук. товар. 1737—1751 г. Жена *Софья Андреевна Полуботокъ*. Имѣніе—с. Зазирки 3
15. *Петръ*. Имѣніе—с. Волокитинъ 3
16. *Антонъ*. Имѣніе—с. Ворголъ и д. Колошиновка . . 3
17. *Михаилъ*. Имѣніе—с. Кочерги, х. Кубаровъ и сл. Дорошовка 3
18. *Марья*. Мужъ *Василій Андреевичъ Гудовичъ* † 1764 г. . 3
19. *Павелъ*, р. 1724 г.; бунчук. товар. 1741—1754 г. . . 8
20. *Петръ*, р. 1761 г.; адъютантъ гр. Румянцова . . 11
21. Андрей, р. 1763 г. 11
22. Егоръ, р. 1768 г. 11
23. Иванъ, р. 1772 г. 11
24. *Настасья*. Мужъ *Михаилъ Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 11
25. *Михаилъ*, губернаторъ волынскій 1797 г.; губернаторъ

малороссійскій 1797 г.; тайный совѣтникъ и сенаторъ; † 1847 г. Жена *Настасья Яковлевна Бакуринская.* . 19

26. *Прасковья.* Мужъ *Григорій Петровичъ Искрицкій*, секундъ-маіоръ 1783 г. 19

27. Дочь. М. *Владиміръ Васильевичъ Велинскій*, войск. товар. 1783 г. .

---

4. СВѢЧКИ.

Родоначальника Свѣчекъ, Леонтія Назаровича, встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1685 г., когда онъ былъ есауломъ лубенскаго полка. За избраніемъ Мазепы въ гетманы, лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя долженъ былъ почему-то оставить свой урядъ, который затѣмъ перешелъ къ Леонтію Свѣчкѣ. Въ это же время низложенъ былъ Мазепою переяславскій полковникъ Леонтій Полуботокъ, который, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу, присоединилъ къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка. Воспользовавшись немилостью Мазепы къ Полуботку, Свѣчка началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣлѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть, что видно изъ слѣдующаго интереснаго акта 1689 г.: „мы Петръ Барщевскій, протопопъ пирятинскій, Андрей Гладкій сотникъ пирятинскій, Тимофей Курыченко атаманъ городовой, Семенъ Кавельскій войтъ, Марко и Федоръ бурмистры зо всѣми мѣщанами пирятинскими гди пришлисмо съ поклономъ до его мил. п. Леонтія Свѣчки, полковника лубенскаго, дякуючи его милости п. полковникови за его добродѣйство, иж правуючися (ведя спорное дѣло) съ п. Леонтіемъ Полуботкомъ у Москвѣ, отстоялъ степъ ажъ изъ Сухою Оржицею до своего полку лубенскаго, сотни пирятинской, который п. Полуботокъ и Сырую Оржицу хотѣлъ отъѣхать до полку переяславскаго. И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковникови, же вольно ему якій хотя себѣ узяти степъ для кошеня сѣна; онъ теди п. Леонтій Свѣчка полковникъ, не хотячи себѣ дармо ничего взяти у посессію свою, далъ двѣсти талерей грошей доброй монеты за Сухую Оржицу, почавши отъ шляху, который идетъ на село Коломійцы «ажъ у вершинѣ самой Оржицы Сухой съ принадлежащими

къ ней *пологами* [1]), ажъ до яру кущеннаго Кононовскаго, который тягнетъ надъ самую Шелезавку и за селище Малютинское, на которомъ селицѣ вольно его милости п. полковнику Леонтію Свѣчцѣ осадити людей, яко на своемъ власномъ, купленномъ грунтѣ."—По этому акту Свѣчка за двѣсти талеровъ пріобрѣталъ десятки верстъ побережьевъ Суҳой Оржицы, въ предѣлахъ теперешняго пирятинскаго уѣзда, которыя, какъ видно, тогда были почти вовсе не заселены. Кромѣ этихъ земель Свѣчка уже раньше получилъ отъ Мазепы тутъ же, по берегамъ Оржицы и Удая, два села: Давыдовку и Дейматовку и два хутора—Коломійцы и Короваи; выхлопотавъ на эти маетности царскую грамоту въ 1690 г., Свѣчка за три года своего полковничества сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни. Пользуясь своею властью, Свѣчка поселилъ на этихъ земляхъ села и деревни—Малютинцы, Городище, Караваи, Каевку и нѣсколько хуторовъ. Нажитыя Свѣчкою богатства обратили на себя вниманіе самого Мазепы, который вообще былъ завистливъ на „сокровища". Когда въ 1696 г. татары осадили лубенскій городокъ Голтву, гетманъ приказалъ Свѣчкѣ добыть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля; но Свѣчкѣ повидимому не хотѣлось самому выходить изъ Лубенъ на поиски противъ татаръ и онъ доносилъ гетману объ „оборотахъ" непріятеля „по чужимъ повѣстямъ". Мазепа, укоряя Свѣчку за его не „рыцарское" поведеніе, сдѣлалъ слѣдующую приписку въ своемъ листѣ: „Знати, же велыка ваша милость памятаешъ евангельское слово и тому прилѣжно послѣдуешъ, идѣже есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша. Домышляемся мы, же много ваша милость животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровищъ, а при нихъ и душу свою увязуешъ такъ моцно, же не хочется вашей милости и на, ку оборонѣ отчизны, ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки (отговорки) передъ нами въ той мѣрѣ вынаходишъ; а такъ мы вашей милости упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ, за нашимъ до Лубянъ прибытемъ, устережемо и додержимъ вашей милости въ цѣлости, тилько по правдѣ ознайми намъ, гдѣ що сложено [2]).

Леонтій Свѣчка умеръ въ 1699 г., написавъ въ томъ же году завѣщаніе, „по милости Божіей будучи хоробою (болѣзнью)

---

[1]) „Пологами" въ полтавской губ. называются низкія побережья, которыя въ черниговской губ. называется „оболоньями".

[2]) Акты Западн. Росс., V, 278.

обдаренній и видячи себе ближшимъ ко смерти, нежели ко животу сего временнаго бытія." По этому завѣщанію, Свѣчка недвижимое свое имѣніе раздѣлилъ между тремя сыновьями: Василіемъ, Лукьяномъ и Иваномъ; первому назначилъ „хуторъ надъ рѣкою Оржицею, прозываемый Городище, со всѣми лѣсами, гаями, ставками и лозами, ажъ внизъ Корнѣевки," „людей въ Корнѣевцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ" и село Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были „люде въ селѣ Малютинцахъ осаженніе" и село Давидовка; третьему сыну, Ивану, отецъ назначилъ хуторъ въ селѣ Короваяхъ, „людей въ селѣ Короваяхъ при хуторѣ осаженныхъ" и село Деймановку. Наконецъ невыданнымъ замужъ двумъ дочерямъ „дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ" и женѣ Домникіи Свѣчкѣ разную движимость. Воля завѣщателя подтвержена была и гетманомъ, впрочемъ относительно только двухъ старшихъ сыновей Леонтія Свѣчки; о младшемъ сынѣ умершаго полковника Мазепа ничего не сказалъ въ своемъ универсалѣ, вѣроятно найдя, что такъ какъ за Иваномъ Свѣчкою никакихъ службъ еще не было, то и на маетности онъ не имѣетъ права. Впрочемъ Иванъ Свѣчка вскорѣ затѣмъ умеръ, и назначенный ему хуторъ Короваи перешелъ, согласно завѣщанію, къ Лукьяну Свѣчкѣ.—Леонтій Свѣчка оставилъ, кромѣ сыновей, трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Зиновія, была выдана замужъ еще при жизни отца за пирятинскаго протопопа Якова Филиповича; вторую—Анну выдала замужъ уже вдова Леонтія Свѣчки за Григорія Корнѣевича, отъ котораго пошли теперешніе дворяне Огроновичи.

По смерти отца Василій и Лукьянъ Свѣчки продолжали увеличивать свои земельныя богатства, пока не сталъ лубенскимъ полковникомъ Андрей Марковичъ. Выпросивъ себѣ у Скоропадскаго с. Кулатинцы, Марковичъ пожелалъ присоединить къ этому селу и сосѣдній Свѣчковскій хуторъ Короваи, которымъ въ это время владѣлъ Лукьянъ Свѣчка. Разными давленіями Марковичъ заставилъ послѣдняго уступить себѣ Короваи: по купчей 1720 г., Лукьянъ Свѣчка продалъ Марковичу за 5000 золотыхъ (золотой—20 коп. асс.) „грунтъ, именуемый Короваи, надъ рѣчкою Оржицею, съ подѣланными на немъ строеніями и съ осѣдлостью людей, якіе тамъ поселились". Впослѣдствіи внуки Лукьяна Свѣчки говорили, что эта продажа ихъ дѣда была вынужденная, подтвержденіемъ чего служитъ то обстоятельство, что когда въ 1723 г. Румянцовъ пріѣхалъ въ Малороссію про-

изводить слѣдствіе о разныхъ насиліяхъ старшины, то Марковичи очень боялись жалобы на нихъ со стороны Лукьяна Свѣчки [1]).

По смерти Василія Леонтьевича Свѣчки, наслѣдство его подѣлено было между сыновьями Степаномъ и Иваномъ; старшему достались разные хутора, а Ивану—с. Антоновка и земли при рѣчкѣ Чумчакѣ. Какъ велъ свое хозяйство Иванъ Свѣчка, видно изъ слѣдующаго письма гетмана Апостола, которое онъ писалъ въ 1732 г., къ генеральному хорунжему Горленку, посланному въ прилуцкій полкъ для разбора козачьихъ жалобъ на притѣсненія державцевъ. Вотъ это письмо: „Мой ласкавій пріятелю, пане хорунжій енералній. Пишешъ вить въ листѣ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацтвѣ антоновцевъ (козаковъ с. Антоновки), которыхъ бунчуковый товарищъ Иванъ Свѣчка подвертаетъ въ подданство непалежне и не малыя имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (рогатый скотъ и лошадей). И по разсмотрѣніи вить довелось, дабы означенные козаки, по силѣ высокомонаршаго указа, были козаками и впредь п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ (никакихъ) имъ не чинилъ обидъ и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вить ему прекладалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу, по предложенію вашему, противнымъ явился, въ чемъ требуешъ вить отъ насъ резолюцію, якъ-бы съ нимъ, Свѣчкою, поступить. Затѣмъ предлагаемъ вашей милости: понеже онъ п. Свѣчка непослушне выше выраженныхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ и статки у нихъ, не належне позабиравши, не возвращаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради пошли вить отъ себе кого исправного, абы столько жъ, сколько бы могъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забрано было у него Свѣчки и тотъ грабежъ поотдавай в. м. напрасно отъ него ограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчцѣ грабежа того ворочать, поколь власныхъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ; а означенные Антонов-

---

[1]) Внуки Лукьяна Свѣчки—Яковъ Гамалѣя (отецъ извѣстнаго медика Платона Гамалѣя) и Андрей Вакуловичъ писали въ 1767 г., въ коммисію для сочиненія Генеральной Описи, что „Гетманъ Скоропадскій и полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ не вѣдомо зачто на дѣда нашего Лукьяна Свѣчку недоброходство занявши, нѣкоторыя села отняли". Въ подлинной рукописи „Дневныхъ Записокъ" Якова Марковича находится нѣсколько указаній, что Лукьянъ Свѣчка хотѣлъ жаловаться Румянцову *за отнятіе* Коровасвъ Андреемъ Марковичемъ.

цы село по слѣдствію не доводится имъ быть въ посполитой тяглости, чтобъ были до козацкого причтены компуту“ [1]).

Пользуясь безсиліемъ гетманской власти, Иванъ Свѣчка увеличивалъ свои богатства какъ „притягая козаковъ въ подданство“, такъ и захватывая ихъ земли. Досталась Ивану Свѣчкѣ купленная отцомъ его въ 1706 г., „стѣнка, стоячая надъ Чумчакомъ, за яромъ сѣнокоснымъ, ниже села Коломійцовъ“; изъ этой „стѣнки“ Свѣчка, разными прихватами сосѣднихъ земель, образовалъ большое имѣніе, настоящее село Свѣчковку.

Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и наслѣдство его перешло къ двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Юркевичемъ, а другая за Александровичемъ.

Богатство сыновей Василія видно изъ того, что у его правнука, Петра Алексѣевича Свѣчки, въ концѣ XVIII в., было болѣе 4000 крестьянъ [2]).

Младшій братъ Василія, Лукьянъ, сыновей не имѣлъ; оставшимися послѣ него имѣніями, изъ которыхъ главное было село Мажтинцы, унаслѣдовали зятья его—Яковъ Гамалѣй и Андрей Вакуловичъ. На этихъ новыхъ владѣльцевъ жаловались въ 1767 году малютинскіе козаки, что они продолжали захваты Свѣчекъ, которые, по объясненію жалобщиковъ, захватили подъ свою власть село Малютинцы не по праву, а насиліемъ. „Село Малютинцы,“ писали въ своей жалобѣ козаки, „издревне предковъ нашихъ козачая осѣдлость и спокойное ихъ старинное владѣніе. Бывшій же полковникъ лубенскій Леонтій Свѣчка, по своей полковничьей власти находясь и усмотря къ пользѣ своей угодное мѣсто—Малютинскую осѣдлость и втиснувшись самовластно межъ Малютинскихъ старинныхъ козаковъ, началъ завлаживать селомъ Малютинцами. И отъ тѣхъ временъ, какъ самъ полковникъ Свѣчка владѣлъ и до нынѣшняго времени, наслѣдники его бунчуковый товарищъ Яковъ Гамалѣя да значковый товарищъ Андрей Вакуловичъ помянутымъ селомъ Малютинцами и степомъ свободнымъ неналежне владѣючи, привели насъ къ крайнему утѣсненію, предковскія наши земли козачія смѣсивши къ своимъ неналежне, владѣютъ усиловне, а насъ изъ спокойнаго владѣнія выбиваютъ самовластно.—Крѣпость ихъ, которую они представля-

---

[1]) Арх. Генер. Канцел.

[2]) Въ с. Городищѣ—1065, Короваяхъ—513, Селекахъ—430, Карпѣевкѣ—801, Петровкѣ—671, Каевкѣ—448, и въ разныхъ хуторахъ—302, об. г.

ютъ (въ комиссію для сочиненія Генеральной Описи) мы имѣемъ за неправильную по той причинѣ, что она подчищена, да и тая крѣпость ихъ имѣетъ свою силу на землю по-за рѣчкою Оржицею, которая нынѣ состоитъ во владѣніи князя Трубецкаго, да коллежскаго совѣтника Теплова; а къ сей землѣ, которая въ осѣдлости малютинской издревне состоитъ, козачьяго владѣнія, никакой силы тая ихъ крѣпость не имѣетъ". Изъ этой жалобы между прочимъ видно, что въ половинѣ XVIII в. часть оржицкихъ земель была отнята у Свѣчекъ Тепловымъ, который поселилъ здѣсь большую слободу, теперешнее мѣстечко Тепловку.

А. Лазаревскій.